

Ся Чи: «Это были твои дети?»

Капюшон на шее матери-призрака повернулся в сторону Ся Чи, ее голос был немного истеричным: «Нет, это не мои дети».

С этими словами она вытащила из кармана карманные часы, открыла их и показала Ся Чи.

Из-под плаща осторожно высунулся сухой палец, и острый ноготь указал на двоих детей: «Это мои дети, а эти двое не похожи на них».

Она глубоко вздохнула: «Если бы ты не держал меня сейчас, я бы не смогла сопротивляться тому, чтобы подняться, чтобы остановить их. Должно быть, я слишком много думала о своих детях, поэтому у меня были галлюцинации, когда я видела детей того же возраста».

Слова матери-призрака привлекли внимание Бай Лисинь и Ди Цзя.

Их глаза проследили за двумя детьми, когда они исчезли за углом, и Бай Лисинь сказал: «Пошли».

Снаружи это был темный коридор, но теперь он был наполнен теплом.

Коридоры больницы были немногочисленны, и изредка они проходили мимо одного-двух медработников и пациентов в больничных халатах.

Свет над головой был теплым, а пол под ногами чистым. Даже появившиеся в коридорах медсестры приветствовали их вежливыми улыбками.

Никаких мучительных испытаний, как можно было бы ожидать в больнице, не было, и на лицах у всех была открытая улыбка.

На скамейке перед ними сидел пожилой мужчина в больничном халате. Одна из медсестер наклонилась и мягко успокаивала его. — Не беспокойтесь, мистер Томас. Мы скоро найдем для вас пару, и даже если мы не сможем найти ее сейчас, мы можем временно заморозить ваше тело и вскрыть вас, когда найдем подходящий орган».

«Разве наш Спаситель не перешел жизнь и смерть, чтобы стать человеком, которого не может отнять даже смерть? Вы должны доверять его навыкам. Вы сокровище для мира, поэтому мы не отпустим вас просто так».

Медсестра успокаивала старика, когда свет наверху внезапно закрыла огромная тень. Она растерянно подняла голову и увидела, что в какой-то момент к металлической скамье подошли пятеро мужчин.

Каждый из четырех мужчин выглядел лучше другого, и среди них был очень странно одетый мужчина в плаще.

Медсестра: «Я могу что-нибудь для вас сделать?»

Бай Лисинь: «Мы пришли сюда, потому что восхищаемся Спасителем Хуаем».

Старик, повесивший голову, поднял ее: «Вы пришли к Спасителю, чтобы спасти и свою жизнь? Почему я никогда не видел вас раньше? В какой области таланта вы работаете?»

Бай Лисинь быстро понял смысл слов собеседника.

Таланта? Означало ли это, что спасти можно было только таланты?

У Бай Лисиня в руке оказался кинжал, и он прямо протянул его, чтобы выполнить ряд сложных приемов боевых искусств: «Я талантлив в боевых искусствах».

Эмиль среагировал быстро. Его пальцы несколько раз взлетели в воздух, и несколько покерных карт проворно закрутились в его ладони: «Я мастер фокусов».

Старик сказал: «Неплохо, неплохо, я физик. Я бы умер тогда, если бы не спаситель. Я вернулся после стольких лет, чтобы помолиться и поблагодарить Спасителя за его спасение. Спаситель любит таланты, и именно мы, как лучшие таланты мира, должны выстоять перед лицом чумы и великой перетасовки бедствий».

«Но позвольте дать вам совет, Господин Спаситель не слишком любит простые и грубые, физически подвижные таланты, подобные вашим; он предпочитает академические и технические типы».

Бай Лисинь подошел к старику и сел: «Итак, что мне делать? Я в своем уме и думал, что рискну здесь. Есть ли у Спасителя какие-либо другие предпочтения?»

Увидев взволнованное выражение лица Бай Лисиня, старик потер лоб: «Спаситель предсказал чуму. Сто лет назад он сказал, что скоро заработает естественный механизм элиминации и люди умрут в большом количестве. Чтобы иметь возможность сохранить будущее человечества, он спасал таланты из всех слоев общества, и, хотя многие люди все еще умирали, в результате человечество смогло развиваться».

«Выживание наиболее приспособленных устранило низших людей и оставило только лучшие человеческие гены».

«В следующем столетии высококлассные люди женились и завели детей, породив новую

группу еще более совершенных людей».

«Доктор Хуай — это существование за пределами богов. Прошло сто лет, и, согласно нормальной продолжительности жизни человека, нормальный человек уже достиг бы старости, но это не относится к доктору Хуаю».

«Я один из новых людей, я унаследовал хорошие гены своих родителей и стал физиком. А после того, как я стал физиком, я решил объединиться с другим математиком, чтобы еще раз развить человеческие гены, породив еще более качественные человеческие гены. Таким образом, мы смогли постепенно устранить все скрытые неполноценные гены, оставив только самые качественные».

«Пятьдесят лет назад я приехал сюда, потому что у меня была лейкемия, и однажды я видел доктора Хуая. Два дня назад, когда мое тело начало сильно омертветь, я пришел в больницу и снова увидел доктора Хуая».

«К моему удивлению, он был таким же, каким я видел его 50 лет назад, молодым, красивым и красноречивым».

«Как и 50 лет назад, он сказал, что я внес большой вклад в эволюцию человечества, поэтому он меня спасет».

«Я верю словам доктора Хуая, — воскликнул старик, прислонившись к стене, — ибо как смертный может подвергать сомнению слова бога?»

Старик посмотрел на Бай Лисиня: «Ты докажешь свою ценность, и если доктор Хуай подтвердит твою ценность, ты переродишься».

Бай Лисинь посмотрел на старика: «А ты знаешь, как ты был спасен 50 лет назад?»

Старик: «Конечно, я знаю это. Доктор Хуай специально построил Дом Красного Яблока ради нового человечества, и внутри они разместили, среди прочего, поставщиков органов высочайшего качества».

«Но это не просто ресурсы». Ся Чи не мог больше слушать и нахмурился «Это вся жизнь. Они тоже не хотят умирать».

Старик не был впечатлен: «Какой смысл? Они должны гордиться своим вкладом в эволюцию человеческих генов. Потенциально они могли бы спасти полдюжины качественных человеческих генов, потеряв всего одну жизнь. Как неразвитый низший человек, в этом смысл их существования».

Выражение лица Ся Чи выражало шок.

Старик перед ним выглядел добрым и безобидным, а сиделка рядом все еще улыбалась.

В глазах этих людей не все были одинаковыми.

Из рук старика вдруг вырвалось кошачье мурлыканье, и его праведное выражение тут же сменилось нежной улыбкой. Он расстегнул куртку, и из нее тут же высунулась пушистая кошачья голова.

Старик любовно погладил кошку по лбу: «Любая жизнь, которая появляется в этом мире, должна иметь свою ценность существования. Возьмем, к примеру, меня, в моем существовании есть передовые технологии, или этого кота, чья ценность существования состоит в том, чтобы заполнить пустоту внутри меня. Что же касается тех поставщиков органов в Доме Красного Яблока, то их ценность в том, чтобы стать топливом для новой человеческой расы».

«Если они не могут даже этого, они даже не так полезны, как кошки, они будут просто отходами этого мира».

«Люди не одинаковы. Эти люди могут выглядеть как мы, но мы не такие».

Ся Чи чуть не взорвалась от гнева.

В глазах этих людей человеческая жизнь была даже не так хороша, как жизнь домашнего животного.

Нет, они даже не считали жителей Дома Красного Яблока людьми, они называли их «поставщиками органов».

Бай Лисинь поднял руку, останавливая порыв Ся Чи.

«Старик, — Бай Лисинь взглянул на кошку в руках старика, — жизнь существует как дар природы. Кислород дает вам основы для дыхания, в то время как вода, пища и солнечный свет дают вам энергию для этого, и это не сила человека, которая может осуществить рождение жизни».

«И жизнь существует не только для эволюции. Это должно быть больше о том, чтобы быть благодарным за дар жизни и стараться не сожалеть об этом в конце. Вы называете себя физиком, но носите с собой не холодные экспериментальные приборы, а мягких и приятных домашних животных. Вы действительно хотите быть физиком в глубине души?»

«Вы стали физиком, чтобы доказать свои гены, и у вас родился ребенок с математиком, чтобы

улучшить гены. У вас сейчас плохое здоровье, у вас болезнь, которая, как я знаю, серьезна, даже если я ничего не знаю о медицине, но единственный человек, который сопровождает вас к врачу, это этот котенок. Где ваша жена и дети? Они, как и вы, борются за генетическую эволюцию в неизвестном месте?»

«Вы говорите, что люди из Дома Красного Яблока — всего лишь поставщики органов, но задумывались ли вы когда-нибудь для себя, что вы, сражавшиеся за свои гены с момента своего рождения, не больше ли вы похожи на сосуд для генов?»

«Все, что вы сделали, — для генов, что вы сделали для себя?»

Затем Бай Лисинь усмехнулся: «*Глядя на цветы в тумане».

* Идиома для неспособности видеть вещи ясно.

Старик замер на пару секунд, его взгляд скользнул под седыми волосами, а рука, гладившая котенка, начала дрожать.

Слова молодого человека перед ним были подобны удару тяжелого молота по его мозгу.

Что он сделал для себя?

Кем он хотел быть раньше?

Он хотел быть художником, но ради генетической эволюции постепенно вписался в рукав.

Как и он, его жена вышла за него замуж просто для того, чтобы родить качественные гены, а когда родились их дети, их целью было просто сделать их еще лучше.

Всего у них было трое детей, двое из которых были необычайно способными, а другой очень тупым.

Он не унаследовал никаких хороших качеств ни от одного из них и проводил свои дни, счастливо рисуя, что полностью противоречило их генам качества.

Но разве живопись когда-то не была его хобби?

Они бросили неполноценного ребенка, а мальчика забрали роботы. Он хрипло молил, чтобы они спасли его, пока они тащили его прочь.

Но ни он, ни его жена не шевелились и смотрели, как уносят ребенка.

Они знали, что этот генетически неполноценный ребенок будет отправлен в Дом Красного Яблока для переделки до тех пор, пока он не станет полезным поставщиком органов.

Многие воспоминания, похороненные в глубинах разума старика, внезапно всплыли на поверхность.

Он вспомнил, что пятьдесят лет назад именно сын, которого он бросил, дал ему новый и молодой костный мозг.

На самом деле, все, что было нужно, это взять немного стволовых клеток крови, и ребенок вообще не должен был умереть, но доктор Хуай сказал, что существует вероятность рецидива, если они возьмут только стволовые клетки крови, и что только полная замена могла бы решить вопрос раз и навсегда.

Он лежал на операционном столе и смотрел, как доктор Хуай препарировал его сына, видел отчаяние сына и полные трагедии глаза...

У старика вдруг заурчало в желудке, и он закрыл глаза от боли; что, черт возьми, он сделал?

В его собственной жизни не было ни свободы, ни любви, ни привязанности, только генетическая эволюция.

Молодой человек был прав. Всю свою жизнь он прожил с ощущением превосходства, но в конце концов остались только бесконечные сожаления и раскаяния.

Он стал сосудом для генов.

Промывание мозгов, которому он подвергся, и сознание, которое он сейчас пробуждал, боролись в его голове.

В конце концов, старик закрыл голову от боли и, спотыкаясь, вылетел из больницы, как сумасшедший.

У медсестры все это время была самая идеальная улыбка на лице, такая же стандартная, как у священника в Доме Красного Яблока.

Видя, как старик уходит в спешке, медсестра продолжала смотреть на них с профессиональной улыбкой: «Дорогие пациенты, пожалуйста, зарегистрируйтесь на стойке регистрации. Вы договорились о встрече?»

Бай Лисинь: «Нет».

Медсестра: «Пациенты, пожалуйста, следуйте за мной».

Следуя за маленькой медсестрой, Ся Чи тайком показал Бай Лисиню большой палец вверх и понизил голос: «Брат, я убежден в твоих превосходных способностях к каноническому говорению. Твоя способность была разблокирована только сейчас?»

Бай Лисинь не хотел соглашаться: «...ерунда, злодей тот, кто много говорит».

S419M в его голове безмолвно вспыхнуло красным: [Господин хозяин, почему я вспомнил, что одна из твоих сил как бога включала способность под названием «рот-пушка»? Э, нет, извини, это называется «Уменьшение и угнетение языковой размерности».]

Бай Лисинь: [...]

Я подозреваю, что ты делаешь это нарочно, но у меня нет доказательств.

Что плохого в том, чтобы иметь рот-пушку? Он работает и побеждает людей, даже не вспотев.

—

Через несколько минут маленькая медсестра привела их к стойке регистрации. Очередь была не очень длинной, и группа выстроилась в конце. Здесь они снова увидели двух детей, которых только что встретили в коридоре.

Это была та же свирепая женщина, но она не стояла в очереди, а двое детей бегали по залу.

Женщина сидела в зоне ожидания с нетерпеливым выражением лица и хмуро смотрела на двоих детей.

У нее в руках не было регистрационного листа, а двое детей были румяными и, казалось, не имели никаких проблем.

Хотя Ся Чи не мог видеть лица матери-призрака, он мог сказать по ее сжатым рукам и напряженным плечам, что все ее внимание было сосредоточено на двух детях.

Она сказала, что ей все равно, но как ей действительно все равно.

Но эти двое не могли быть детьми матери призрака.

По словам старика, после чумы прошло сто лет. Детей матери-призрака отправили в приют еще до чумы, а с тех пор прошло более ста лет.

Двое детей выглядели четырех-пятилетними и, казалось, не знали, как себя вести. Женщина, которая была матерью, похоже, тоже не собиралась наказывать их.

Когда двое детей играли в догонялки, маленькая девочка позади споткнулась и упала на пол.

В тот же миг она начала плакать.

Мать-призрак, и без того беспокойная, стала еще беспокойнее.

Ее запоздалая материнская любовь заставила ее полностью забыть, где она была, и обещание перед входом в место.

Она шаркнула ногами и бросилась к маленькой девочке, прежде чем Ся Чи успел среагировать.

Боясь, что ее руки напугают маленькую девочку, мать-призрак подняла девочку с пола через свои черные манжеты, и сросшиеся сухие ладони не были видны.

Маленькая девочка увидела, что это была незнакомая женщина, и так испугалась, что даже забыла плакать.

Мать-призрак нежно погладила маленькую девочку по спине, напевая детскую песенку, чтобы успокоить ее.

Пока она успокаивала, ее глаза, спрятанные под плащом, увидели женщину в зале ожидания, уже вставшую.

Когда женщина была всего в нескольких шагах от нее, рядом с ней раздался мужской голос средних лет: «Эти двое детей кажутся генетически неполноценными. Лучше позвони сегодня днем и отвези этих двоих детей в Дом Красного Яблока».

Мать-призрак, которая собиралась поставить маленькую девочку на пол, нахмурилась. Ее рука прошла под мышкой девочке, и она встала с ней на руках, отступив на два шага назад.

Бай Лисинь и другие уже подошли к матери-призраку, и Ся Чи увидел, что ее беспокойство еще больше.

Маленькая девочка сжалась в объятиях матери-призрака и молча посмотрела на плащ, прежде чем внезапно начала вырываться и кричать: «Призрак! Призрак! Помогите!»

Рука матери-призрака дрожала, и она беспомощно выпустила маленькую девочку.

Маленькая девочка покинула руки матери-призрака и тут же бросилась обратно к ее ногам с обеими вытянутыми руками, прося обнять ее.

Однако женщина со скучающим выражением лица оттолкнула маленькую девочку: «Ты прав, я скрипачка, а ты виолончелист. Как мы родили этих двоих детей, совершенно нечувствительных к музыке? Я позвоню и отправлю их сегодня днем. Нам нужно поторопиться и завести следующего ребенка, иначе два наших высококачественных музыкальных гена исчезнут».

<http://bllate.org/book/14977/1324688>